

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
отдела экспертно-консультативной деятельности
и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Рос-
сийского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (The History of Philosophy), Senior Researcher,
Department of the Expert Advisory Activities
and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch,
Russian Research Institute of the Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
gutsalov_alex@mail.ru

Становление художника. Переписка молодого Н. К. Рериха с профессором В. В. Стасовым и Л. М. Антокольским

Formation of an Artist. Correspondence of Young Nicholas K. Roerich with Professor Vladimir V. Stasov and Leo M. Antokolsky

За основу данной статьи взят анализ переписки (1894-1904 гг.) молодого Николая Константиновича Рериха со своим студенческим другом Львом Моисеевичем (Леоном) Антокольским, а также с наставником, профессором Владимиром Васильевичем Стасовым. Главный интерес был сосредоточен на изучении формирования взглядов, устремлений, задач, которые перед собой ставил молодой художник и ученый, а также на выявлении характерных качеств души. Особое внимание было уделено отношению учитель-ученик, которое будет играть значимую роль во всей жизни Рериха и всей его будущей семьи. В переписке отражены многие жизненные и профессиональные приоритеты художника. Сохранение творческого своеобразия было всегда принципиальным, жизненно важным для Рериха, который отстаивал право быть собой в общем служении обществу. Рерих реанимировал образ художника как творца, но не просто творца что-то новое, а творца-воскресителя, воскрешающего жизнь в, казалось бы, умершем прошлом.

Ключевые слова: Рерих, Стасов, культура, цивилизация, народная культура, учитель, ученик, Академия художеств, историческое время, прошлое-настоящее-будущее, духовность, творчество.

The analysis of correspondence (1894-1900) between young Nicholas Roerich and his student friend Leon Antokolsky and also his mentor prof. Vladimir Stasov is taken for the basis of this article. The main interest was focused on the study of the formation of attitudes, aspirations, goals, which set itself the young artist and scholar, as well as the identification of the characteristic qualities of the soul. Particular attention was paid to the teacher-student relationships, which will play a significant role in the life of Roerich and his entire future family. The correspondence reflects many of the life and professional priorities of the artist. Preservation of creative originality was always fundamental and vital for Roerich, who defended the right of an artist to be himself in his service to society. Roerich reanimated the image of the artist as a creator, but not just creating something new, but a resurrecting creator who restores life in a seemingly deceased past.

Keywords: Reorich, Stasov, culture, folk's culture, civilisation, teacher, scholar, Academy of arts, historical time, past-presence-future, spirituality, creativity.

Все, кружась, исчезает во мгле.
Неподвижно лишь Солнце Любви.

Вл. С. Соловьев

Если есть у человека великая цель, то она
должна проявляться во всем —
в самом, казалось бы, незначительном. Надо
быть честным в незаметном и случайном,
тогда только будешь честным
и в выполнении своего большого долга.
Большая цель охватывает всего человека,
сказывается в каждом его поступке...

Д. С. Лихачев. Письма о добром.

Культура – это не некая отдельная от человека сфера памятников, картин, артефактов, не груды писанных и изданных книг, а прежде всего, сам человек. И откуда жив человек, жива культура. Культура всегда жива живым присутствием человека, способного воспринимать ее. Без человека, обращенного к ней, культура мертва. Картины Рериха, его литературные труды нацелены на это общение, на ответное внимание, на со-общение. Но так же, как эти картины и его труды сами по себе без и вне жизни самого автора не могут быть поняты адекватно, так и общение, и диалог могут превратиться в монолог зрителя и читателя. Об авторе нужно знать, знать его жизнь, его привычки, взгляды, настроения, слабости и силы, чтобы войти с ним в непосредственный контакт, в котором и произойдет чудо общения.

Общепризнанное величие знаменитого мастера всегда оставляет в тени период его взросления, духовного и творческого возмужания, периода неустойчивости, поиска, ошибок и не всегда удач. Особенно это важно иметь в виду, когда мы имеем дело с такими личностями, как Николай Константинович Рерих, чей вклад огромен не только в науку и искусство нашего времени, но которого многие воспринимают в качестве одного из духовных вождей современного мира.

В связи с этим мы обратились к письмам молодого Николая Рериха, написанным им во время учебы в Императорской Академии художеств и одновременно на юридическом факультете Санкт-Петербургского

университета и в годы, непосредственно следующие за их окончанием. Содержательной основой для анализа взяты две переписки молодого Рериха с Львом Моисеевичем Антокольским¹ и Владимиром Васильевичем Стасовым². Первый был ему ровесником, второй был уже в солидном возрасте, старше Рериха более чем на полвека и очень известным в то время общественным и научным деятелем.

Эти две переписки весьма симптоматичны, показывая проявившиеся уже в молодости мобильность и широту общения, зрелость в обсуждении многих сложных вопросов духовной и творческой жизни с людьми совершенно разных возрастов. В духе нет возраста тела, в духе важна только зрелость самого духа. И, очевидно, общающиеся на этом уровне сознают это и поэтому выстраивают свое общение на равных.

¹ Леон (1872-1942 гг.), как его называл Николай Рерих, был его товарищем по Академии Художеств, племянник известного скульптора Марка Матвеевича Антокольского (1843-1902).

² Стасов Владимир Васильевич (1824-1906) - музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель. Стасов сыграл важную роль в жизни Рериха, познакомил его с Л. Н. Толстым, с Вл. Соловьевым, вместе с которым обсуждался эпос Литвы, схожесть литовского языка и санскрита, близость древних прибалтийских культур к Индии. Стасов открыл молодому Рериху мир древностей, летописи, жития, грамоты, старинные русские миниатюры. Рерих так пишет об этом: «Он ... поддерживал в моих первых зовах о России... Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными» // [26, с. 5].

Как-то Андрей Битов представил на одном из кинофестивалей в Анапе в 1999 г. свою двухчасовую авторскую программу, сделанную по произведениям А. С. Пушкина. Особенностью этой программы явилось то, что он читал не готовые произведения, не обращался к анализу взглядов этого поэта и писателя, а просто читал черновики его трудов с авторскими многочисленными исправлениями, дополнениями, вариантами. Сам такой подход сначала шокировал. Но через очень непродолжительное время сам не замечаешь, как погружаешься в лабораторию мысли, в мистерию творчества гениального поэта и как становишься соучастником рождения образов, слов, их сочетаний, музыки потрясающей поэзии. Такие же ощущения рождают в определенной мере и письма личной переписки. Небольшие штрихи, замечания, жалобы, и ты уже находишься рядом, совсем близко с художником и со-наблюдаешь его ежедневную битву за свет и цвет, смысл, идеи, за рождение образа, который будет говорить именно то, что ты видишь в нем и что он тебе сам открывает.

Рерих о своей переписке со Стасовым, Горьким, Григоровичем, Репиным посетовал в одном из своих очерков «Встречи», написанным в Гималаях в 1940 г., считая, что они безвозвратно потеряны. Но, к счастью, они сохранились, и мы можем войти во внутреннюю мыслительную лабораторию Николая, только-только выходящего на широкое общественное поле. «Письма Н. К. Рериха к Л. М. Антокольскому открывают черты юноши, входящего в большой мир искусства...» [25, с. 5].

Данная переписка отсылает нас более чем на век назад – к концу XIX в., времени «серебряного» пробуждения России. Выделим некоторые темы и идеи этих переписок.

О смысле искусства, творчества, призвания художника

Эти письма - «повествование о высоком призвании живописца, воплощенном в облике самого Рериха, для которого искусство является могучей жизнестроительной силой» [25, с. 6]. Без опыта глубокого проникновения в самое сокровенное души твоего собеседника и сораскрытие своей души в самом обычном устремлении, честно и искренне открывая себя другому, невозможно будет войти в общение с природой, культурой, героями, жившими в прошлом, мудрецами и Богом. Такое задушевное общение рождает в человеке спо-

собность эмпатии, проникновения в другого как в самого себя. И тогда другой становится вывернутым наизнанку тобой самим. Ты лучше понимаешь себя и легче ладишь с другими, тогда в определенный момент и мир начинает вступать с тобой в это интимное общение, раскрывая свои тайны, позволяя находить разгадки, озарять свое сознание более глубоким знанием.

Рерих очень ценил такое общение. Оно поистине драгоценно, поскольку без этого опыта мир остается безмолвным. Он пишет: «Если Ты не будешь делиться со мной Твоими радостями и печалью, то значит, Ты считаешь меня за человека неотзывчивого или же просто неоткровенен со мною, а и первое, и второе для меня довольно обидно, поэтому надеюсь, чтобы при последующих извещениях... уже больше не придет в голову мысль, что лишнее – посвящать меня в тайники твоей души» [4, с. 14].

И молодой Николай погружался так в своего собеседника, будь то закадычный друг, учитель, или седая древность, которую он также делал своим собеседником, погружался в образы, извлекаемые им из этого общения, чтобы разгадать, заставить высказаться сокровенное, тайное, сокрытое, высказаться искренне, ничего не утаивая, но и не договаривая полностью, чтобы дать возможность вступить в этот диалог другим зрителям-собеседникам. «У нас задача не только покорить натуру, но стать ее вечным властелином. Оживотворить натуру – заставить ее говорить нашими словами. Творить», - писал в одном из своих писем Николай Константинович [7, с. 18].

Рерих попал во время своего обучения в Академии художеств в такой период, когда там проходила реформа академического преподавания 1894 г. В основе реформы лежала мысль о том, что Академия художеств должна стать не только школой мастерства, но, прежде всего, школой творчества. Значительную роль в подготовке и осуществлении реформы сыграл граф И. И. Толстой, в дальнейшем вице-президент Академии Художеств. Руководство творческими занятиями перешло к совету профессоров, куда вошли И. Е. Репин, В. Е. Маковский, А. И. Куинджи, В. А. Беклемишев и В. В. Матэ. Было также избрано около шестидесяти действительных членов Академии художеств. Среди них живописцы В. М. Васнецов, В. И. Суриков, В. Д. Поленов, скульптор

М. М. Антокольский, историк И. Е. Забелин, химик Д. И. Менделеев, известный меценат П. М. Третьяков и др. В качестве преподавателей в преобразованную Академию художеств пришли И. Е. Репин, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин, В. Е. Маковский [7, с. 20, прим. 10].

Разумеется, эта общая тенденция захватила многих молодых людей, в том числе и Рериха, которые стремились к неповторимости, своеобразию, к творческому выражению самости «по-своему». И выработалось устойчивое мнение, что «кто не сочиняет, тот протоколист, а не художник истинный, творец» [7, с. 18]. «Вообще я замечаю, что, благодаренье Богу, мои взгляды на искусство прояснились и выработалось совсем свое, нечто оригинальное. Уж не знаю, хорошее или худое, но все же свое. Вот я с 1891 г. занимаюсь рисованием, а только теперь установилось свое и явилось свое воззрение. А то было подражательное» [6, с. 16-17].

Вот еще что написал молодой художник своему старшему другу, наставнику В. В. Стасову, находясь во Франции: «На улице шумит жизнь, а в комнате тихо, и голые стены, и маленькая дверка дают какое-то тюремное настроение, и мне одному скучновато. Хорошо еще, что работа не допустит такой пакости, как хандра. Правильно Вы говорите: «дальше от всяких больших компаний». Может быть, эта одиночная дорога и труднее многих, но зато достигнутое именно этим путем будет попрочнее многого прочего. Если же покорно опустить голову да влиться в общее русло потока, то никто не станет собирать капли души, чтобы делать из них целебные воды, а будут их лить в ушаты и мыть ими чужое грязное белье. Ведь лучше пройти, Аллах ведает, какие ущелья и теснины и вынырнуть чистым и полезным источником, нежели стремиться внешним руслом и служить для поливки улиц. Так ведь, Владимир Васильевич? Ведь только работу никак не заплюешь и никуда не засунешь. Пусть ругаются господа Репины, Дягилевы и tutti quanti – еще поспорим с ними» [18, с. 20].

Как сохранить себя в общем потоке, как суметь выделиться из него, но остаться полезным этому общему потоку, служить ему, обогащать его собой, не выпасть из него и не сделаться бесполезным для общества? Как сочетать неповторимость и привычный ход жизни общества, в котором правит бал все же

именно повтор привычных форм? И эта задача неожиданно приоткрывает другую проблему – проблему отношения цивилизации и культуры. В своем январском письме 1901 г. В. В. Стасову Николай написал про некоего француза Кормона¹: «Я очень рад, что имею общение именно с Кормоном; про него могу сообщить Вам изумительные вещи. С первого же визита моего он сказал: «У вас много своеобразного, вы должны сохранить это! Мы слишком цивилизованы, у нас пропала свежесть, берегите ее – вы на это способны – у вас есть своя точка зрения!»» [19, с. 21].

Цивилизация и культура

Это очень важное различие, набившее оскомину многим философам, но не теряющее от этого свое значение, – цивилизации и культуры. Различение правильное, но зачастую формализованное, отвлеченное от конкретного человека и малозначимое для него. А здесь в двух штрихах осуществляется жизненная актуализация этой проблемы – в человеке цивилизация убивает своей массовой штамповкой творческое, индивидуальное, непривычное, не могущее быть массово размножено. А человеку, чтобы стать человеком, чтобы выразить свою неповторимость, данную Богом (именно творческим и неповторяющимся Богом, а не холодной копировальной машиной), нужно быть индивидуальным, неповторимым в своем творческом самовыражении и именно быть таковым на благо других, погруженным в любовь к своей отчизне, в служение своему народу и через это в служение всему человечеству.

Поэтому проблема цивилизации и культуры в их отношениях к человеку и его сути становится проблемой отношения жизни творческого человека, а значит, живого, способного выразить Богом данную способность, через то став ближе к Богу, и существованием человека-потребителя, штамповщика, изгнанного из светлого творческого мира в мир бесчисленных дубликатов, копий, повторений кого-то, чьих-то идей, задумок, образов. Таким образом, с этой точки зрения, проблема цивилизации и культуры оказывается проблемой выбора между умиранием и жизнью, смертью и воскрешением духа. И тогда мы видим, сколь жизненно важное значение

¹ Кормон Фернан Анне-Пьестр (1845-1918), антрополог и этнограф. С 1905 г. жил в Петербурге.

имеют, казалось бы, отвлеченные философские проблемы.

Для Рериха сохранение творческого своеобразия было всегда принципиальным, жизненно важным. И он боролся, отстаивал это право – право быть собой в общем служении обществу. Таким образом, мы видим и проблему общего и индивидуального, отношения личности и общества. Рерих показывает фактически, что такое отношение не должно поглощать друг друга, а должно делать и личность, и общество более индивидуальным, более духовно чистым и богатым, а через то более целостным и гармоничным. И вот к этой гармонии Рерих стремился всю свою жизнь. Мне кажется, ему это удалось достичь.

Проблема исторического времени и отношения к народной культуре.

Когда к великому человеку относятся как к демону, в нем видят только плохое. Когда к великому человеку относятся как к человеку, начинают видеть его величие, ибо простому человеку совершенное великим не под силу. Когда к великому человеку относятся как к великому посвященному, величие исчезает, становится ординарным, исчезает и связь с простыми, невеликими людьми, проявившими интерес к нему. Такой великий человек превращается к холодный и мертвый миф, недостижимый в силу своего величия нам, простым смертным, а потому и бесполезный.

Точно так же и с историческим преданием, с культурным достоянием. Оно начинает либо отвергаться как лишнее, ненужное, отягощающее, либо начинает возвеличиваться до небес как недоступный для повторения миф древности о золотом веке. И в том, и в другом случае прошлое бесполезно, оно молчит для настоящего. В первом случае настоящее, оторванное от своих корней, пренебрегая ими, постепенно попадает под власть эгоизма и гордыни, требующих для себя новой более удобной древности (пример Германии времен первой и второй мировых войн, нынешней Украины). Во втором случае настоящее стоит принижено перед великим прошлым и теряется в депрессии и спаде и, если прошлое печально, в стыде (пример России в 90-е гг., Германии в конце 40-х гг. XX в.).

Рерих пытался войти в древность так, чтобы заставить ее заговорить с нами. И этот разговор возможен через тщательные научные исследования старины и через поиск эмо-

циональной связи с ним через искусство. Будде приписывают слова: «Кто не понял своего прошлого, тот вынужден будет пережить его снова». Позитивное и сбалансированное погружение в прошлое жизненно важно.

Интерес Рериха к древности прошел лейтмотивом через всю его жизнь, начиная с участия в многочисленных археологических раскопках, начиная с 1892 г. (ему тогда было всего неполных 18 лет), в экспедициях на Алтай, Тибет, Гималаи, Центральную и Среднюю Азию, активное и успешное продвижение международного проекта, который был назван его именем («Пакт Рериха»). Н. К. Рерих в годы своего обучения в Академии Художеств и одновременно с этим на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в возрасте 22 лет становится членом Русского археологического общества (1896 г.). Он принимает самое деятельное участие в раскопках, осуществленных в Псковской, Смоленской, Ярославской, Тверской, Петербургской, Новгородской губерниях. С 1897 по 1903 гг. он преподает в Петербургском археологическом институте. С 1904 г. его совместная с князем Путятиним экспедиция обнаружила неолитические стоянки на Валдае (возле озера Пирос). С 1905 г. он стал собирать коллекцию древностей, относящимся к каменному веку, которая была представлена в 1905 году на Французском Доисторическом конгрессе в Перигё. Уже через шесть лет в этой коллекции было собрано более 30 тыс. экспонатов из России, Германии, Италии, Франции. Летом 1910 г. Рерих совместно с Н. Е. Макаренко провели первые археологические раскопки в Новгороде (см. по данному поводу [24], [2, с. 79], [28, с. 123-141]).

Подобно жизни человека, в которой детство, юность, молодость, зрелость, старость образуют единое целое, и жизнь культуры народа имеет в себе подобное единство. Рерих, несмотря на свое внимание к общемировой культуре, не имел ничего общего с теми космополитами, которые при принятии общемирового пренебрегали народным, отвергали роль и значение отдельных народных культур. Народная культура так же неотъемлема от общемировой, как и прошлое составляет неотъемлемую часть настоящего и будущего. Как общемировая культура несостоятельна без народной, так и настоящее несостоятельно при пренебрежении прошлым, причем не только недавним прошлым, но и самым древ-

ним. И без знания его, без уважения к нему, без постоянного оживляющего изучения и внимания к нему настоящее фактически перестает быть культурой.

И это также грань, отделяющая культуру (культуру традиции неповторимого) от цивилизации (техника, ремесло повторения). Рерих очень болезненно воспринимал то дикое и пугающее невнимание и пренебрежение древней народной культурой, пышным цветом расцветшее на границе XIX и XX вв. в высшем обществе России, о чем он неоднократно сетовал: «Неужели все мое дело, всё изучение родной древности, желание воспроизвести родную историю не заслуживает никакой поддержки? А тут еще такие отношения, как с Манасеиной¹, где при мне за столом говорят, что Васнецов человек ограниченный, ибо заниматься родным эпосом может только ограниченный человек; ведь это меня хотели обидеть... Теперь Манасейна ругает меня на чем свет стоит. И все ругают. И нервы расстраиваются, и все как-то сиротливо и грустно» [14, с. 19].

В ранних картинах художника определяющими сюжетами являлась древняя языческая Русь, красочные образы народного эпоса («Плачи Ярославны», «Святополк окаянный», «Вечер богатырства Киевского», «Утро богатырства Киевского», «Город строят», «Зловещие», «Заморские гости», «Гонец», «Старцы сходятся», «Идол»). Да и диплом на юридическом факультете университета он посвятил теме «Правовое положение художников Древней Руси» (1898). Примечательно, что и свои письма своему старшему другу и наставнику Владимиру Васильевичу Стасову Рерих писал в древнем стиле, оформляя их в виде старинных русских грамот. Древность всегда оживала в присутствии Рериха, преображая настоящее и давая новые светлые надежды на будущее. Стасов активно и упорно поддерживал этот искренний и глубокий интерес к глубокой древности, в которой видел корни народа. Как дерево без корней, так и народ без прошлого, лишатся соков жизни и быстро сойдут на нет.

В одном из своих писем Рериху Стасов писал: «Известные русские орнаменты (по рукописям) не идут раньше XI века; а Вам надо

бы раньше... Значит: либо Вам надо брать (для дерева): либо конские двойные, либо одиночные головы... - на коньках изб деревенских (это есть изображения солнца, света – пожалуй, вообще «божества», доброжелательства, отвращение зла), либо есть резьба на дереве, которую мы встречаем на скалках (которыми бьют белье при мытье), розетки на мачтах судов... (- тоже – «солнце» и «отвращение зла»), хоть, наконец, «плетешки ременные», которыми наполнены рисунки всех древнейших наших рукописей (здесь тайный смысл – колдовство, заговоры). Наконец, - вышивки красной ниткой на полотенцах. Лучше и достовернее вы ничего не найдете» [11, с. 28].

Любовь к русской народной культуре Рерих пронес через всю свою жизнь. С какой любовью и восхищением он пишет: «Какая глубина в этой народной старине! Например, Иван-Царевич – ведь это весенний луч, пробивающийся сквозь царство смерти, чтобы освободить красавицу Лето. Не узкая, а общая, всесветная идея» [7, с. 18].

Именно для него характерно это непреклонное соединение народного со вселенским, в котором любое общемировое выражает себя в форме народного, а само народное в форме соединения максимально древнего прошлого, настоящего и ожидаемого будущего. В его концепции истории важнейшее значение имеет соотношение временных категорий прошлого, настоящего и будущего. Он измеряет прошлое и настоящее будущим: «...когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего» [1, с. 81]. «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего» [22, с. 58].

И чем сильнее росло количество змеиных клубков войны вокруг России, тем сильнее проявляла свою силу древность, древний дух русской национальной культуры, придававшее силы, дававшее вдохновение и уверенность в победе русского народа. Недостаток сохранившихся форм, естественно вело пытлившую душу Рериха к другим странам, в том числе и к загадочному Востоку, к Индии. С 1905 года появляется целый ряд работ, посвященных Индии, – «Лакшми», «Индийский путь», «Кришна», «Сны Индии».

Древние культуры России и Индии, их общий источник, интересуют Рериха как художника и как учёного. Такой широкий интерес был характерен для той эпохи. Бывшие в центре внимания концепции соборности,

¹ Манасейна Мария Михайловна (1844-1903), писательница, врач, общественная деятельница. Автор работ «Об эстетическом воспитании человека», «О воспитании детей в первые годы жизни», «Патология, гигиена и психопатия сна».

единства мира, единства христианского мира Вл. С. Соловьева (1853-1900 гг.), философия русского космизма Н. Ф. Федорова (1828-1903 гг.), вызвавшее большой резонанс в обществе того времени мировое турне пока еще цесаревича Н. А. Романова в 1890-1891 гг., во время которого он посетил Австрию, Италию, Грецию, Египет, Индию (в которой он посетил Бомбей, Агру, Лахор, Амритсар, Бенарес, Калькутту, Бомбей, Мадрас, Коломбо (о. Цейлон)), Таиланд, Сингапур, Сиам, Французские колонии в Юго-Восточной Азии, Китай, Японию.

И подобную широту взглядов также призывал Рериху его друг и наставник Стасов, который еще в 1868 г. писал: «Наш новгородский купец Садко есть не что иное, как являющийся в русских формах индийский царь Яду, индийский богатырь – брахман Видушака, тибетский брахман Джинпа-Ченпо, тибетский царевич Гедон, индийский монах Самгха-Ракшита... Наш царь морской или царь-Водяник – это царь Нагов, царь Змеев, Ракшаза индийских и тибетских легенд... Музыка Садки в подводном царстве – это проповедь правой веры буддийским героем в царстве змеев, злых духов» [20, с. 37-38] [28].

Таким образом, глубину погружения в культуру во временном и смысловом отношении Рерих соединил с пространственной широтой ее охвата. Культура народа не может быть вне своей связи с культурой всего мира, а мировая культура не может быть национализирована несколькими культурными образованиями неких избранных народов.

Это, на мой взгляд, лежало в основе подхода Рериха и его стремления к осуществлению правовой защиты со стороны мирового сообщества памятников мировой культуры всех стран. Величие культуры мира – в сохранении величия всех культур этого мира без исключения. И это важно понимать и для адекватного восприятия и оценки творчества самого Рериха. Эти мысли весьма актуальны в наше время – время попыток всеобщей глобализации с игнорированием роли национального, народного фактора в некоем активно строящемся фантоме – т. н. постчеловеческом обществе. «От веры и от отцов моих не отрекусь» [23] [27], – напишет 58-летний художник, вынужденно к тому времени находясь вне своей любимой России уже 15 лет.

Человек и гений, личное и великое, человек и Бог

Одна из главных проблем религии – невероятное и принципиальное разведение Бога и человека. Согласно православной христианской концепции, человек даже при полном уподоблении себя Богу по Его энергии остается отдельным существом от Бога и не уподобляется ему по сущности. Но это в предельных смыслах богословия. А в миру Бог – невероятно далек и недостижим полностью, в принципе, никому. В мирском повседневном отношении Бог и человек разведены еще более радикально, поэтому человек принижено просит что-то и благодарит за что-то, а Бог великодушно исполняет или не исполняет просьбы или сурово наказывает.

Такая же ситуация возникает и в отношении великих личностей. Обычные люди в процессе обучения или ознакомления изначально ставятся в границы, перейти которые им не под силу – кто ты, и кто они? Великие – это гении, непревзойденные мастера слова, кисти, звука, а простым смертным остается лишь причащаться их славе и славословить их величие. И в итоге образуется вторая брешь между простыми и великими людьми. Человек оказывается еще более униженным. В отношении великих принято лишь возвеличивать их и поражаться, удивляться их величию, в отношении Бога испытывать благоговение и страх. И что остается человеку – остаться в этих границах, остаться простым человеком, закрывая себе путь к совершению своего великого.

Когда мы задаем такие рамки для оценки личности (будь то человеческой или божественной), мы теряем основы для понимания и обязательно введем себя в сферу создания новой мифологии, в область мифологизации личности. И это, с одной стороны, не плохо, но пользы обычным людям не приносит, скорее вред, потому что приложить к себе, простому смертному, то, что свойственно им, почти небожителям, нет никакой возможности.

Для начала нужно почувствовать Рериха как обычного человека, а потом через доступную человечность погружаться в его внутреннюю духовную и творческую работу. И тогда мы увидим, как рождается перед нами подвижник не мифический, о котором слагаются очередные легенды и гимны восхваления, а человек, через свои достоинства и недостатки,

свойственные всем людям, сумевший выйти на более высокий уровень. А раз он это смог сделать, то и я смогу. Весь смысл подобных знакомств с личностями неординарными – не в том, чтобы они задавили нас своим авторитетом, а в том, чтобы вот так же оказаться сейчас на равных с самим Рерихом и общаться с ним открыто, искренне, как и сам молодой Рерих общался с маститым мастером Стасовым, постепенно расправляя свои и именно свои еще не окрепшие крылья для своего взлета и полета в этой жизни.

Тогда все его произведения начинают играть роль живого собеседника и помощника, отвечающего, терпеливого, мудрого, но и не безукоризненного. Тогда мы вступаем в беседу, обсуждение, в споры и дискуссии. Без этого нет и не может быть никакого полноценного общения с произведениями великих. Такое общение возможно только на равных, как человека с человеком. И именно в этом открывается все величие маститых мастеров, которое уже не давит нас своим авторитетом, непревзойденным и безупречным, а открывает новые возможности, приглашает тебя и любого другого превзойти себя самих, стать более совершенным, предъявить миру нечто более высокое и более чистое. Тогда гений из авторитета становится драгоценным другом, поддерживающим вдохновение, помогающим.

Иначе все знакомство с гениями превращается в бесконечное удовлетворение любопытства и любознательности, не приносящее никакой пользы душе и ничему так и не способное научить. Рерих всю свою жизнь стремился к духовным высотам через служение народу Божию (в коем он видел не только народ российский, но и весь мир), и он показывает нам пример такой жизни, и это живой пример, открытый всем в силу своей доступной и живой человечности.

Вот перед нами обычный человек, ищущий, творящий, любящий и ранимый, как все творческие люди: «За это время мало мы видались, а много у меня было хорошего, но много и скверного – тяжелого. Пришлось разочароваться в некоторых людях, пришлось себя насилловать, заставлять забывать кое-что – совсем незаслуженное. Зачем это всё так? На одно хорошее – 10 пакостей. Всего Вам хорошего» [16, с. 17-18]. Сколь трогательна обида, высказанная на большой абзац по поводу

того, что его работа, привлекающая внимание, стоит меньше гораздо, чем некая «головка Щербиновского¹, которая ни на кого не производила впечатление». «Это так обидно! Так тяжело! Все говорят, говорят, а никто ничего не сделает! Все стараются только ущипнуть, толкнуть в темя каблуком» [14, с. 18]. «... Академия не только что средств, не только мастерской, не только натуры, но даже костюмов из гардероба не хотела мне дать в прошлом году. И после этого Рерих скажет про рисунок, про недостаточную штудировку, будет сожалеть о таланте, что пропадает, и наговорит много, а когда придет время дать средства, то даст их Щербиновскому, ибо тот слаще поёт. Стыдился бы Илья Ефимович, ведь, небось, знает, как неприятно работать на чужие деньги» [14, с. 18-19]. «Несказанно меня вчера взволновала клевета относительно помещения мною статьи в Мире Искусства. Это такая гадость! И кого только душит подобное ко мне недоброжелательство?» [17, с. 19] и далее перечисление всех, кто не так обмолвился, не так посмотрел, не так что-то сделал по отношению к молодому художнику. «Поневоле придет в голову затвориться куда-нибудь подальше и зарыться в работу... Приходится смотреть только в будущее, не будет ли в нем светлого облачка?» [17, с. 20].

Рерих был человеком со своими достоинствами и недостатками. И если внимательно читать переписку молодого студента Николая, то видно, сколь адекватен он в своей самооценке, насколько трезв в признании своих достоинств и недостатков. Он даже часто сомневался в достоинствах своих работ, писанных красками и словом. «Если найдете мое писание глупым, сейчас разорвите». «... Если найдете не слишком смешной, а паче того – глупой, то...» [15, с. 7]. «Простите за грязное маранье. Разболтался – не с кем поговорить» [15, с. 8]. «Выставка вышла большая. Свою картину² ненавижу страшно – смотрю на нее как на чужую...» [16, с. 17]. «Я эгоист, и если бы Ты знал, с какой завистью читал вчера Твое письмо» [5, с. 15]. И уж совсем трогательное признание: «Между прочим, все более разочаровываюсь в женщинах. Самые лучшие из них

¹ Щербиновский Дмитрий Анфимович (1867-1926), ученик И. Е. Рериха.

² «Сходятся старцы», 1898 года, масло, холст, 40х71. Сейчас она находится в США. В Государственном Русском Музее хранится эскиз к ней.

все-таки не выше среднего, - сие печально, но так» [8, с. 19].

Вот еще одно из его признаний, написанных в лесу близ местечка Извара: «Мне скучно, может быть, потому, что тут nolens-volens мое самолюбие спит, некому здесь разбудить его. Оно-то ведь, каюсь чистосердечно, и разжигает всегда меня, подмывает, заставляет делать все, что угодно. Я самолюбив, и хоть мое самолюбие и доставляет мне много тяжелых минут, но, в конце концов, я доволен на его обилие. Это такой кнут, такой источник энергии, что без него много чего нельзя было бы сделать... правда, самолюбие, вещь великая, известным образом направленное, может охранять и нравственность, и все хорошее в человеке» и далее пишет о создании кружка¹, к которому нужно привлечь людей «честных, хороших, добрых», «далеких от зависти», чтоб в нем «было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом». «Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...». Было четкое понимание того, что «...искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей...» [3, с. 13]. И этому пониманию хотелось соответствовать, иначе незачем все эти бестолковое повторение и унылые и приевшиеся краски, лишённые свежести и сочности.

Рерих был весьма критически настроенным человеком. Но это качество уходило корнями в понимание высокой роли искусства. И там, где он встречал профанацию, он был беспощаден. Вот что он пишет по поводу V выставки картин Санкт-Петербургского общества художников, открывшейся 24.02.1897 г. в залах Академии: «В остальных же двух с половиной сотнях произведений или постыдное искажение, или тупое, самодовольное успокоение на том или другом шаблоне; не видно самого дорогого в искусстве, не чувствуется оригинального, субъективного художника; такое «нет» глубокого, свежего порыва, стремления к какой-либо художественной цели, что и суда на эти картины быть не должно» [21, с. 10]. «Можно бороться с грубостью, с неясностью, с ошибкою, хорошо, когда есть, чему

¹ Рерих инициировал создание кружка среди учеников Академии художеств, на котором готовились доклады по истории, археологии, философии. Кружок собирался один раз в месяц на квартире профессора Военно-медицинской Академии И. Р. Тарханова [8, с. 21, прим. 16].

помогать, а в данном случае все спокойно, прекрасно, тихо да гладко – ни сучка, ни задоринки, - остается только печалиться, сознавая всю бесполезность советов. Много на выставке косного, еще раз доказывающего, насколько шатким и незначимым основанием для общества художников является лишь принцип совместного торга, да пребывание или тяготение к тому или иному центру» [21, с. 10-11]. «... Во имя чего воздвигается новый стяг? Какое слово в искусстве думает сказать эта дружина? ..именно этого основного единого Бога не имеют в себе общества, подобные Обществу Петербургских Художников, и отсутствие единой, объединяющей живой силы - горячей любви к прогрессу искусства, - мертвит, сушит и нагоняет тоску на их выставках» [21, с. 11].

В то же время свое мнение он не считает приговором окончательным и единственно верным. Он допускает, что кому-то могут понравиться работы художников, что критиковать всегда легче, чем сделать самому, что в сравнении всегда «можно сверять свое собственное мнение, сверять, не соглашаться, спорить, возражать» [21, с. 11]. И это искусство «фильтрует и вперед двигает» [21, с. 11]. Подписался он именем Борисмир Надёжа.

Отношение ученика и учителя

Рерих уже в студенческие годы снискал славу неординарного художника, исследователя истории. Дипломная работа в Академии художеств 1897 г. «Гонец» обратила внимание многих именитых людей того времени. П. М. Третьяков сразу приобрел ее для своей коллекции. Стасов, имевший теплые дружеские отношения с молодым художником, свел его с Львом Николаевичем Толстым, который после встречи также очень высоко оценил работу «Гонец». Стасов писал Николаю: «Неприменно вы должны побывать у Толстого... пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники» [22, с. 88]. Лев Толстой во время встречи с Рерихом сказал: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет!» [1, с. 36].

Есть у Рериха и такое воспоминание об о. Иоанне Кронштадском, которого он очень любил и с которым у него были краткие момен-

ты общений: «Отец Иоанн Кронштадский знал об этой моей склонности к истории и очень одобрял ее» [23] [27]. Для Рериха о. Иоанн был примером «исповедания веры», в котором проявлялось «великое ощущение молитвы» в своей жизненности, не абстрактности, а значит и подлинности. И вставала задача соединить этот творческий поток подлинной жизни, преисполненной веры и живого обращения ко Всевышнему, с повседневной практикой, с внутренним подвигом личности. И это очень гармонизировало с общими центральными посылами русской мысли того времени (Соловьев, Федоров, Ключевский и мн. др.).

В 1892 г. начинающий художник и первокурсник Николай Рерих присутствовал на собрании Московской Духовной Академии в честь 500-летия памяти св. преп. Сергия Радонежского. На этом собрании на него произвела неизгладимое впечатление речь академика В. О. Ключевского, который как раз и указал, что связь великого божественного с миром осуществляется в повседневном, незаметном, каждодневном труде. Таким образом, сверхъестественное, волшебное обретает форму повседневности. И задача художника и историка увидеть это высшее и позволить ему высказать себя еще раз по-новому. Подобное понимание решает проблему отношения знания и веры, чудесного и повседневного, великого и малого, божественного и человеческого в их единении, когда малое выражает собой великое, привычное - чудесное, знание - веру, а вера - знание, человеческое - божественное, так же, как и великое выражает себя в малом, чудесное - в привычном, божественное - в человеческом.

Отношения Стасова и Рериха действительно складывались и дружески, и в рамках строгих отношений учителя и ученика. И они взаимно поддерживали друг друга. Как приятно читать ободряющие слова молодого 27-летнего Рериха 77-летнему Стасову: «Рад, что Вы здоровы и по-прежнему боретесь со злочестивыми, - давай Господи на многие лета такого же взрывчатого пороха и едкой шрапнели на смятение стана вражеского» [19, с. 21].

Тон писем Стасова более разнообразный. Малоизвестно, но Рерих, подобно императору Николаю Второму, был заядлым охотником в молодости. И часто охота организовывалась, чтобы просто убить хандру, уйти от неприятных депрессивных состояний духа («Пишу

погано, рука не слушается – был на охоте» [5, с. 15]).

За это недостойное поведение он неоднократно получал внушение от Стасова: «... Позвольте спросить, как Вы провели свой торжественный день бенефиса, и что Вы во время его прохождения делали? Если ничего больше, как только на охоту ходили, да бедных птиц били, ни в чем не повинных, ни душой, ни телом, ни хвостом, ни лапками, то Вам скучно или нечего делать, и ничего Вы лучше не придумали, как лишать кого-то жизни от нечего делать – то я Вас не хвалю ничуть и желаю Вам, чтоб тот или другой Никола (святые покровители всех Николаев) поскорее от Вас отступился и повернулся к Вам задом, - что это, дескать, за страшный протез у меня, только и умеет, что простреливать насквозь чужие головы и зады! Нет, нет, ради самого Господа Бога (которого, впрочем, я мало знаю и мало утруждаю собою), - и всех его святых, прошу Вас это негодное дело бросить и ни до каких курков и зарядов больше никогда не дотрагиваться!... А то – бедные птицы и птички, которые должны, стремглав, головой лететь вниз, лететь перед Вами мертвые. Какая гадкость, какая мерзость!!!» [9, с. 26-27]. И потом дальше – «Да, но вот что для меня большой вопрос и забота: есть у Вас настоящий талант и способность? Или Вы побалууете-побалууете, да потом бросите преспокойно, для какого-либо совершенно другого дела? Ведь первая молодость, а потом – возмужалые годы, ведь это две совсем разные статьи! И я столько сотен раз принужден был разочаровываться, и терпеть немилосердное жестокое крушение насчет других! Вот это беда страшная» [9, с. 26-27].

В этом показан образец отношения учителя и ученика: выявить негативные качества, которые нужно побороть, и выразить свою нужду в проявлении его таланта. Талант проявляет себя только тогда, когда кому-то нужен. Без этого он тонет в бессмысленности и невостребованности. Настоящий учитель должен создать атмосферу востребованности, нужности.

«...Вы меня сильно порадовали рисунком древнерусской избы. Хорошо! Очень хорошо! И знаете, со мной одобрял Вас, давеча, один мой приятель, который чего-нибудь да стоит: Ропет – архитектор. А у него великое чутье ко всему национальному и народному, особенно ко всему древне-восточному, а значит – и древ-

не-русскому, так это все нераздельно!» [10, с. 27]. «... Как я взглянул на лихую виньетку, как я взглянул на почерк, как я взглянул на слог, и склад, и лад, у меня пробежали мурашки удовольствия, у меня защекоotalo всего, от макушки до пяток. “Ну, сказал я про себя, а потом громко для всех, ну, молодец, Никола Тростник! Посмотрите, господа, глядите скорее сюда все!..”» [13, с. 33].

Если учитель видит, что ученик начинает зазнаваться, самовозвышать себя, то он его немедленно одергивает: «В разговоре со мною Репин сказал: “Рерих способен, даровит, у него есть краска, тон, чувство колорита и известная поэтичность, но что ему мешает и грозит – это то, что он недоучка, и, кажется, не очень-то расположен из этого положения выйти. Он мало учился, он совсем плохо рисует, и ему надо было – не картины слишком незрелые писать, а засесть на 3-4 года в класс, да рисовать, да рисовать. А то ему грозит так на веки и остаться очень несовершенным и недоученым. Учиться надо. Рисовать серьезно надо! И тогда можно надеяться, что из него выйдет настоящий и замечательный художник... Одною даровитостью ничего не возьмет еще...”»

Таковы слова Репина. «И хотя я и не художник, и не техник, а думал всегда то же и Вам говорил. Человеческие фигуры всегда меня оскорбляли у Вас, особливо во 2-ой (нынешней картине). Чего тут ехать за границу, когда надо не ехать и смотреть иностранцев..., а засесть за натуру человеческую и рисовать с нее упорно, ненасытно! Я всегда это думал и говорил, думаю и говорю и теперь.... Прислушайтесь к моим резонам, и тогда не будете сердиться на меня» [12, с. 32].

Но если ученик ведет себя смиренно, то и учитель теряет саму основу для назидательного учительства: «Вижу, что Вы расстроены, что Вы взволнованы всякими обстоятельствами, и внешними, и внутренними, и оттого мне не охота отличать, командовать, взыскивать, учить, требовать, вообще гарцевать» [12, с. 31].

Если исследователь сам изначально возвышает предмет своего изучения, то он должен сам одернуть самого себя. Ибо при таком раскладе теряется общая почва для равного общения. Ученик обретает своего учителя при адекватном самопредставлении, так же как и исследователь овладевает своим объектом при честном подходе. Чтобы лучше понять и

глубже оценить потрясающий своей глубиной и масштабом духовный подвиг Рериха, нужно брать его целиком – со всеми недостатками и достоинствами. Тогда он начнет оживать для нас и становиться в нашей жизни вдохновляющим обстоятельством для самосовершенствования, для вдохновенной работы над собой, для новых открытий и побед.

Иначе икона может оказаться просто основой для удовлетворения мертвого любопытства всезнайства или новым поводом для самоуничтожения. Пока мы не сделаем икону своим собеседником, она так и будет безжизненным предметом мертвого, хоть и красивого интерьера. Не для этого Рерих писал и работал, не для этого он говорил о сохранении культурного наследия, не для этого он калялся, признавал свои несовершенства и ошибки перед близкими ему людьми. Он оживлял древность, он вступал с ней в диалог, он вытаскивал из нее жизнь и заставлял ее говорить, жить и вдохновлять других. Он был воскресителем творческой и вдохновляющей силы прошлого. Но при этом он и сам был живой, непосредственный, ищущий, падающий, встающий и вновь идущий. В этом отношении Рерих реанимировал образ художника как творца, но не просто творящего что-то новое, а творца-воскресителя, воскрешающего жизнь в, казалось бы, умершем прошлом. И вдруг приходит понимание, что и наша жизнь оживает только тогда, когда прошлое в нас творчески живет, пробуждая будущее. Рерих и стремился восстановить эту цепочку прошлое-настоящее-будущее в творческой жизни народа, в живом общении ныне живущего и давно прошедшего, в котором одинаково живы и прошлое, и будущее, и благодаря этому и настоящее.

Вывод

Если делать вывод из всего сказанного, то мы можем определить культуру как неразрывное соединение прошлого (настолько древнего, насколько это доступно для нас), настоящего и будущего в творческих актах творения. Причем это соединение взаимопроницающе, когда прошлое и будущее активно проникают в настоящее и определяют его, но и настоящее также проникает в прошлое и свое будущее и формирует его образы.

В зависимости от этой активности настоящего мы имеем дело либо с деструктивной ролью актуального настоящего (разрушающего культуру), либо с созидательной и сохра-

няющей ролью его (собственно, культурой). Поэтому в настоящем мы должны все время быть начеку. Поэтому Рерих столь активно настаивал на сохранении культурного наследия, которое должно тщательно оберегаться, изучаться и в этом изучении становиться жизненно важным.

Оживление прошлого и происходит через искусство. Поэтому столь велика роль искусства в деле реанимации, воскрешающего действия, чтобы ожившее прошлое входило в нашу жизнь и творило более безопасное, более счастливое настоящее, формируя основы и для лучшего будущего. Культура – то, что объединяет людей в народ. А объединение в человечество, мирное и благополучное, без единства и сохранения народных культур невозможно. Любое игнорирование

народного неизбежно ведет к международным распрям и конфликтам.

Становление молодого Рериха как художника и мыслителя состояло в развитии творческой и живой открытости, искренности, критической самооценки, страстного желания совершенства, проявленной любви к прекрасному, к древнему преданию своего народа и через это любви к преданию всего мира, состояло в упорных попытках заставить прошлое заговорить, извлекая из этого общения исторические и духовные уроки, в беспрекословной и твердой вере в торжество светлых и добрых сил. На фоне этих достоинств все мелкие недостатки блекнут и постепенно уходят из его жизни, придавая и нам всем уверенности и сил на нашем духовном и творческом пути.

Использованная литература:

1. Беликов П. Ф., Князева В. П. Николай Константинович Рерих. Самара: Агни, 1996.
2. Иванов М. А. Рерихи и Тверской край, Тверь: ГЕРС, 2007.
3. Письмо Антокольскому от 08.07.1894 г., Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 12-13.
4. Письмо Антокольскому от 28.07.1894, Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 14.
5. Письмо Антокольскому от 12.08.1894 г., Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 15-16.
6. Письмо Антокольскому от 11.06.1895, Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 16-17.
7. Письмо Антокольскому от 24.06.1895 г., Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 17-18.
8. Письмо Антокольскому от 06.11.1899 г., Петербург // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. Сердце, 1993. С. 19.
9. Письмо Стасова от 10.05.1897 г., С-Петербург // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 26-27.
10. Письмо Стасова от 12.06.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 27-28.
11. Письмо Стасова от 31.07.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 28-29.
12. Письмо Стасова от 05.05.1899 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 31-32.
13. Письмо Стасова от 16.07.1899 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 32-33.
14. Письмо В. В. Стасову без даты // Рерих Н. К.

References:

1. Belikov, P. F. and Knyazeva, V. P., *Nikolay Konstantinovich Rerikh* (Nicholas K. Roerich), Samara: Agni, 1996.
2. Ivanov, M. A., *Rerikhi i Tverskoy kray* (Roerichs and the Tver Region), Tver': GERS, 2007.
3. Pis'mo Antokol'skomu ot 08.07.1894 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 08.07.1894. Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 12-13.
4. Pis'mo Antokol'skomu ot 28.07.1894 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 28.07.1894, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, p. 14.
5. Pis'mo Antokol'skomu ot 12.08.1894 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 12.08.1894, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, p. 15-16.
6. Pis'mo Antokol'skomu ot 11.06.1895 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 11.06.1895, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 16-17.
7. Pis'mo Antokol'skomu ot 24.06.1895 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 24.06.1895, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 17-18.
8. Pis'mo Antokol'skomu ot 06.11.1899 goda, Petersburg (Letter to Antokolskiy, 06.11.1899, Petersburg), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 19.
9. Pis'mo Stasova ot 10.05.1897 goda, S-Peterburg (Letter from Stasov, 10.05.1897, S-Petersburg), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 26-27.
10. Pis'mo Stasova ot 12.06.1897 goda (Letter from Stasov, 12.06.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 27-28.

- Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 18-19.
15. Письмо Стасову от 26.02.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 7-15.
16. Письмо Стасову от 04.03.1899 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 17-18.
17. Письмо Стасову от 04.09.1900 // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 19-20.
18. Письмо Стасову от 02.11.1900 г., Франция // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 20-21.
19. Письмо Стасову от января 1901 г., Франция // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 21-23.
20. Полякова Е. И. Николай Рерих. М.: Искусство, 1973.
21. Приложения 1 и 2 к письму Стасову от 26.02.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 10-15.
22. Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 2. М.: Международный Центр Рерихов, 1995.
23. Рерих Н. К. Письмо от 24 апреля 1932 года отцу Иоанну, священнику, настоятелю Сергиева Подворья в Париже // Отдел рукописей Международного центра Рерихов. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6168. Л. 8.
24. Рерих Николай Константинович [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рерих,_Николай_Константинович (дата обращения: 08.02.2016).
25. Росов В. А. Предисловие // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 5-6.
26. Росов В. А. Предисловие // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 5-6.
27. Тютюгина Н. В. Истоки формирования православной образности в творчестве Николая Рериха [Электронный ресурс] // Эл. биб-ка Международного Центра Рерихов. URL: <http://lib.icr.su/node/1050> (дата обращения: 08.02.2016).
28. Шамин С. М. Николай Рерих — археолог и живописец // Историк и художник. 2008. № 4 (18). С. 123-141.
11. Pis'mo Stasova ot 31.07.1897 goda (Letter from Stasov 31.07.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 28-29.
12. Pis'mo Stasova ot 05.05.1899 goda (Letter from Stasov 05.05.1899), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 31-32.
13. Pis'mo Stasova ot 16.07.1899 goda (Letter from Stasov 16.07.1899), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 32-33.
14. Pis'mo V. V. Stasovu bez daty (Letter to Stasov, no date), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 18-19.
15. Pis'mo Stasovu ot 26.02.1897 goda (Letter to Stasov, 26.02.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 7-15.
16. Pis'mo Stasovu ot 04.03.1899 goda (Letter to Stasov, 04.03.1899), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 17-18.
17. Pis'mo Stasovu ot 04.09.1900 (Letter to Stasov, 04.09.1900), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 19-20.
18. Pis'mo Stasovu ot 02.11.1900 goda, Frantsiya (Letter to Stasov, 02.11.1900, France), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 20-21.
19. Pis'mo Stasovu ot yanvarya 1901 goda, Frantsiya (Letter to Stasov, January, 1901, France), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 21-23.
20. Polyakova, E. I., *Nikolay Rerikh* (Nicholas K. Roerich), Moscow: Iskusstvo, 1973.
21. Prilozheniya 1 i 2 k pis'mu Stasovu ot 26.02.1897 goda (Appendixes 1st and 2nd to the Letter to Stasov, 26.02.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 10-15.
22. Roerich, N. K., *Listy dnevnik* (Diary Leaves), vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov, 1995.
23. Roerich, N. K., Pis'mo ot 24 aprelya 1932 goda ottsu Ioannu, svyashchenniku, nastoyatelyu Sergieva Podvor'ya v Parizhe (Letter on 24 April 1932 to Father Ioann, Priest, Abbot of the St. Sergius Metochion in Paris), in *Department of Manuscripts of the International Centre of the Roerichs (ORMsR)*, Fund 1, Inventory 1, File 6168, Sh. 8.
24. Rerikh Nikolay Konstantinovich (Nicholas K. Roerich), in *Wikipedia. Free encyclopedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Rerikh,_Nikolay_Konstantinovich (data obrashcheniya: 08.02.2016).
25. Rosov, V. A., Predislovie (Foreword), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 5-6.
26. Rosov V. A. Predislovie (Foreword), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 5-6.
27. Tyutyugina, N. V., Istoki formirovaniya pravoslavnoy obraznosti v tvorchestve Nikolaya Rerikha (Sources of Formation of the Orthodox Imagery in the Works of Nicholas

Roerich), in *Elektronnaya biblioteka Mezhdunarodnogo Tsentra Rerikhov*. URL: <http://lib.icr.su/node/1050>. Accessed February 8, 2016.

28. Shamin, S. M., Nikolay Rerikh – arkhеolog i zhivopisets (Nicholas Roerich as an Archaeologist and Painter), *Istoriк i khudozhnik*, 2008, no. 4 (18), pp. 123-141.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гуцалов, А. А. Становление художника. Переписка молодого Н. К. Рериха с профессором В. В. Стасовым и Л. М. Антокольским [Электронный ресурс] / А. А. Гуцалов // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 57-70. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gutsalov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gutsalov, A. A., Stanovlenie khudozhnika. Perepiska molodogo N. K. Rerikha с professorom V. V. Stasovym i L. M. Antokol'skim (Formation of an Artist. Correspondence of Young Nicholas K. Roerich with Professor Vladimir V. Stasov and Leo M. Antokolsky), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 57-70. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gutsalov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.